

³ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 4. С. 476.

⁴ См.: Советская Белоруссия. 1987. 29 марта.

⁵ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 4. С. 50.

⁶ Коммунист. 1987. № 17. С. 22.

О. А. ЯНОВСКИЙ

ЗАПАДНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

В конце XV века процесс объединения русских земель завершился созданием централизованного феодального государства. Тем самым была заложена основа для развертывания борьбы за возвращение территорий, ранее захваченных западными соседями Руси, за выход к главному водному пути международной торговли — Балтийскому морю.

Решить же эту задачу было невозможно без завершения объединения западнорусских, украинских и белорусских земель, а они находились под властью ливонских рыцарей и литовских князей. Уже с 80-х годов XV века Россия находилась в постоянно напряженных отношениях как с Великим княжеством Литовским, так и с Ливонским орденом. Кратковременные периоды перемирий сменялись военными столкновениями.

В практике дипломатических отношений для обоснования претензий Москвы на западные земли использовался также утвердившийся к началу XVI века титул великих князей московских как государей «всей Руси». Эти цели просматриваются и в политической подоплеке венчания на царство Ивана IV «шалкой Мономаха», в оформлении весьма своеобразной государственной печати и других атрибутов государственной власти.

В полной мере единство двух задач русской дипломатии (выхода к Балтийскому морю и объединения западнорусских, украинских и белорусских земель) проявилось в ходе Ливонской войны (1558—1583). Название этого, почти 25-летнего сражения России с широким, но не единым фронтом государств отразило конечную цель московского правительства — овладение восточным побережьем Балтийского моря. Важность этой задачи предопределялась тем, что к середине XVI века в Европе возросло значение русского и скандинавского рынков¹. Россия стремилась достигнуть выгодных условий для развития торговли со странами Европы. Этот вопрос постоянно присутствовал во всех внешнеполитических комбинациях правительства Ивана IV, был определяющим началом содержания политических акций, династических устремлений и притязаний.

Своеобразие положения России заключалось в том, что она, в отличие от своих северо-западных соседей, была вовсе лишена выхода к морю. Тем самым ей грозила опасность остаться убежищем «варварства и феодализма», ибо, по словам Ф. Энгельса, «буржуазная цивилизация распространялась вдоль морских берегов и по течению больших рек»².

С 90-х годов XV века Ливония стала рассматриваться русским правительством как «отчина» великих московских князей. Тем самым определялся и внешнеполитический курс России на западном направлении. Благоприятная для России политическая ситуация, сложившаяся к середине XVI века, позволила Ивану IV ужесточить свои отношения с Ливонским орденом, а затем и начать против него военные действия. Обеспечивая тылы, Россия добилась определенной стабилизации положения на южной границе. К тому же с 1557 года Турция и Крым, когда наметилось продвижение Сигизмунда II Августа, короля польского, в Прибалтику, исподволь стали ориентировать Ивана IV на войну против Польско-Литовского государства, предлагая свои услуги³. Южных соседей интересовала, конечно, не «балтийская проблема», а возможность за счет России ослабить польскую корону. Как ни странно, балтийская политика Ивана Грозного получила определенную поддержку также со стороны Рима и Вены, которые надеялись таким путем втянуть Россию в войну с Крымом и Турцией, а также использовать в своих интересах негативное отношение царя к «лютеровой ереси».

Можно согласиться с мнением, что Иван IV в 1558 году упреждал своих соперников, начав войну раньше, чем они смогли объединиться. Однако, по нашему мнению, само это объединение стало возможным только после начала военных действий России против Ливонского ордена и в за-

падно направлении вообще. Политическая подоплека Ливонской войны неоднозначна. Расчеты сторон были тесно переплетены, хотя каждая преследовала свои выгоды. В сложной борьбе правительство Москвы проводило гибкую дипломатию, действуя планомерно, используя малейшие затруднения, трения и замешательства в стане и соперников, и партнеров.

Действенным оружием российской дипломатии был религиозный вопрос. Он был тесно вплетен в общую канву проблемы «балтийского господства». В обосновании притязаний на восточное побережье Балтийского моря, как и на присоединение белорусских земель, Иван Грозный использовал такой веский аргумент, как обличение соперников во враждебном отношении к христианской церкви. В первом послании к А. Курбскому царь, оправдывая военные шаги в западном направлении, доказывал, что «Аще бы и крестьяне были в тех странах, и мы воюем по прородителей своих обычаю, яка же и прежде сего многажды случилося; ныне же вемы, в тех странах несть христиан...»⁴. Далее Иван IV заявил, что Россия должна оградить православие от посягательств «литаонского и готфейского» языков.

В переписке с императором Священной Римской империи Фердинандом I царь, обосновывая справедливость своих действий в Ливонии в 1559 году, сослался не только на то, что город Юрьев и другие города в землях «ост-зейских соорудил предок наш царь Руси по имени Юрий Ярослав...», но и что он, Иван IV, намерен искоренить здесь лютеранство⁵.

Хотя формальной причиной объявления войны Ливонскому ордену было то, что ливонцы «целовали крест государю дань принести... и дани не привезли и, на чем целовали, в том во всем солгали», все же, несмотря на ограниченность источникового материала, следует признать, что Иван Грозный с самого начала предполагал возможность не только русско-ливонской войны, но и столкновения с Польско-Литовским государством из-за белорусских территорий. У Москвы к этому времени было такое мощное политическое обоснование своей наступательной активности, как обвинение его и Ливонского ордена в «лютеровой ереси». Данное обстоятельство позволяло, как уже сказано, рассчитывать на поддержку не только православной, но и католической церкви и даже некоторых стран Западной Европы.

Как заметил известный советский историк В. Т. Пашуто, Москва после завершения объединения собственно великорусских земель, занявшись «балтийским вопросом», постоянно активизировала борьбу и за воссоединение Белоруссии и Украины⁶. Эту мысль можно подтвердить доказательствами, почерпнутыми, например, из средневековой «Хроники» Б. Рюсова, где прямо сказано, что царь нацелился не только на Ливонию, но и на всю Литву⁷. Во время же переговоров 1573 года о перемирии Иван Грозный открыто заявил, что имеет «особливое свое хотение на литовское княжество»⁸.

Не только тактические ходы московского правительства, но и стратегию на определенных этапах такой длительной военной акции, какой была Ливонская война, постоянно корректировал вопрос о белорусских землях Великого княжества Литовского. Он фигурировал и на всех дипломатических переговорах России и Польско-Литовского государства. Так, в обращении Ивана IV к литовским выборщикам в период польского бескорольевья указывалось, что царь видит перспективу мира на западных границах только при условии присоединения белорусских земель. Кроме того, считается, что одним из поводов к Ливонской войне было стремление России к присоединению «литовско-русских» земель⁹.

О том, что задачи объединительного процесса решались в ходе Ливонской войны, можно судить по характеру военных действий: они в широких масштабах разворачивались на белорусских территориях Великого княжества Литовского. Особенно отчетливо эти задачи просматриваются в событиях 1562—1565 годов, когда Россией были достигнуты наиболее крупные успехи в их реализации. Необычайно торжественно Иван IV отпраздновал взятие русскими войсками в 1563 году Полоцка, чем подчеркнул значимость этой победы. Несколько позже, в 1566 году, Земский собор, созданный по сути дела для подтверждения необходимости борьбы с Великим княжеством Литовским, безоговорочно постановил следовать уже взятому курсу. Он продемонстрировал единство бояр, дворян, духовенства, торговых людей в оценке экономической и политической важности этой борьбы.

Наряду с дипломатическими и военными шагами Иван Грозный с конца 1565 года стал осуществлять широкую кампанию по закреплению позиций в отвоеванных белорусских землях путем строительства целой линии крепостей. Тем самым закладывался плацдарм для продвижения к Балтике.

Большую помощь в сооружении крепостей Сокол, Нищерда, Козьян, Усвят, Красный, Суша и других оказывали «тамошние» жители, многие из которых переходили на царскую службу. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют говорить о их прочной ориентации на Россию. По оценке В. Т. Пашуто, славянские народы, находившиеся под властью Великого княжества Литовского, в переломные моменты истории России особенно сильно тяготели к ней¹⁰. Это стремление подкреплялось конкретной обстановкой середины XVI века, вытекало из целенаправленной политики Москвы.

Таким образом, в западной политике России в рассматриваемое время следует видеть целый комплекс проблем, которые осознавало, ставило на повестку дня и пыталось решать московское правительство.

¹ См.: Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893. Т. 1. С. X—XI; Кан А. С. История скандинавских стран. М., 1980. С. 59.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 472.

³ См.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. М., 1984. С. 252.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 13, 38.

⁵ Сказания иностранцев о России в XVI—XVII веках. СПб., 1843. С. 8.

⁶ См.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. (1982 год). М., 1984. С. 24.

⁷ См.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1883. Т. 2. С. 127.

⁸ Переписка между Россией и Польшей по 1700 год: 1487—1584. М., 1862. Ч. 1. С. 140.

⁹ См.: Sliwinski A. Stefan Batory. Warszawa, 1928. S. 121.

¹⁰ См.: История СССР. 1980. № 4. С. 74.

И. О. ЕВТУХОВ, В. А. ФЕДОСИК

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ АНТРОПОЛОГИИ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА

Мировоззрение Аврелия Августина привлекало и привлекает внимание исследователей прежде всего тем, что он был крупнейшим мыслителем поздней античности и одновременно первым крупным идеологом средневековья. Августин был видным античным философом и в то же время стал одним из наиболее авторитетных христианских теологов, одним из «отцов церкви».

В последнее время в советской историографии появился ряд работ, в которых исследуются этическое и эстетическое учения Августина, анализируется переходный характер его мировоззрения¹. Однако до сих пор не стала предметом специального исследования антропология Аврелия Августина. Между тем анализ его антропологии представляется, на наш взгляд, актуальным, ибо это помогает составить более полное представление о социальном смысле идеологических учений эпохи перехода от рабовладения к феодализму.

Следует учитывать, что человек не всегда являлся объектом пристального внимания мыслителей прошлого, вследствие чего антропологические аспекты занимают в их построениях подчиненную роль по отношению к онтологии и гносеологии. Для античных авторов, помимо этого, характерно решение проблемы человека в этическом плане. В христианстве, с его идеей индивидуального спасения каждого смертного, отмечается усиление интереса к человеку.

Особую актуальность проблемы, прямо или косвенно связанные с антропологией, приобретали в периоды, когда в недрах общества нарастали кризисные явления. В этом отношении IV век — один из наиболее пока-